

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА

УДК 316.354.351/354
10.17213/2075-2067-2021-3-254-262

СОЦИАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

© 2021 г. Т. В. Плотникова*, А. М. Кравцова**, Е. Г. Попкова***

**Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Россия*

****АНО «Институт научных коммуникаций», г. Волгоград, Россия*

Цель исследования. Представленная статья является попыткой осмыслить на основе социально-философской рефлексии новые тенденции в развитии функциональных организаций, которые традиционно воспринимаются как общности, структурированные по анонимным (безличным) нормам, оказывающие объективированное воздействие на сферу управленческого воздействия. В этом контексте автор статьи задается вопросом о том, в какой степени субъектный и личностный фактор становится качеством и свойством функциональной организации.

Результаты исследования. На основании актуализации методологического статуса социальной философии, включающего процедуры интерсубъектного исследования, обосновывается вывод о том, что социально-философская рефлексия становится эпистемологическим инструментарием изучения новых форм функциональных организаций в российском обществе.

Ключевые слова: функциональная организация; социально-философская рефлексия; внутриорганизационные отношения; формальные и неформальные нормы; деобъективация.

SOCIO-THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF FUNCTIONAL ORGANIZATIONS

© 2021 T. V. Plotnikova*, A. M. Kravtsova**, E. G. Popkova***

**Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

***Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia*

****ANO «Institute of Scientific Communications», Volgograd, Russia*

The purpose of the study. The presented article is an attempt to comprehend, on the basis of socio-philosophical reflection, new trends in the development of functional organizations, which are traditionally perceived as communities structured according to anonymous (impersonal) norms, which have an objectified impact on the sphere of managerial influence. In this context, the author of the article asks the question of the extent to which the subjective and personal factor becomes a quality and property of a functional organization.

The results of the study. *Based on the actualization of the methodological status of social philosophy, which includes the procedures of intersubjective research, the author substantiates the conclusion that social-philosophical reflection becomes an epistemological tool for studying new forms of functional organizations in Russian society.*

Key words: *functional organization; socio-philosophical reflection; intra-organizational relations; formal and informal norms; deobjectification.*

Постановка проблемы. Известный российский ученый А.И. Пригожин в классической работе «Современная социология организаций», которая не утратила своей актуальности и сегодня, писал, что организация является предметом изучения и одновременно дискуссий, так как, хотя активные поиски и ведутся рядом наук, неизменно возникают трудности, связанные с тем, что представляют собой признаки и качества организации, которые характеризуют ее как определенную конструируемую общность, созданную для реализации конкретных целей [1].

Подчеркивая это обстоятельство, А.И. Пригожин говорит о том, что в деятельности организации действует логика подчинения частей целому, воплощается иерархия целей и уровней, а также, вне сомнения, организации ориентированы на достижение сплоченности и дисциплины, разделение исполнительских функций и необходимость согласования интересов индивидов и задач организации.

Актуальными представляются исследования организации в динамике, изменении функций, задач и целей. Не менее важно определить деятельностные ориентации членов организации, их активность в процессе формирования строения типов внутриорганизационных связей. Дело в том, что современные организации характеризуются принципиально новыми признаками по сравнению с недавним предшествующим периодом, когда нормы управления людьми основывались на критериях эффективности или неэффективности организации. Не вникая в подробности анализа организаций нового типа, таких как сетевые, мы остановим свое внимание на функциональных организациях, построенных и работающих с целью выполнения определенных социальных и управленческих функций, удовлетворения потреб-

ностей в обеспечении определенными товарами и услугами.

В этом смысле функциональные организации не утратили своего значения и не остались только как воспоминание об индустриальной эпохе. Когда заходит речь о роли организации в современном обществе, неизменно поднимается вопрос о том, какую социальную миссию организации выполняют, каким образом можно говорить о соотношении организации и коллектива, не ограничиваясь констатацией формальных норм и регуляторов.

В исследовании организаций весомую роль внесли социологические науки. Благодаря тому, что организация интерпретируется как объединение, система, она обладает конкретными структурой, целями, задачей. Но если мы попытаемся зафиксировать границы организации в контексте социального взаимодействия, выясняется, что достигнутым результатам исследования организаций не хватает социально-философской рефлексии. Функциональные организации, которые стереотипно воспринимаются как искусственные, имеющие жесткий каркас объединений, актуально перестраиваются на социально-проективную деятельность, обнаруживают зависимость от деятельности людей. Таким образом, новым определяющим вопросом является концептуализация социально-философских основ исследования.

Иными словами, функциональная организация не может быть интерпретирована только в рамках традиционного структурно-функционального анализа, поскольку процессы и системы описываются конкретно. Но свойства и качества функциональных организаций выражают логику социального взаимодействия, интересующие связи, и в плане социально-философского анализа ключевым является вопрос о соотношении человека, сложившейся ситуации в органи-

зации, о необходимости выходить за пределы наличных условий для того, чтобы усиливать потенциал организации через сдвиги и изменения, нацеливаться на расширение объема и усложнение задач организации. Таким образом, социально-философская рефлексия направлена на деобъективирование организационной структуры и структурных связей, включение механизмов человеческой активности и потенциалов личности, выстраивание баланса отношений между индивидами и организацией.

Методология исследования Социальная философия выполняет методологическую функцию по отношению к социально-гуманитарным дисциплинам, как пишут в социально-философских словарях [2]. Однако, определяя методологический статус социальной философии, исследователи объективно рискуют быть обвиненными в том, что возвращаются к старым «метафизическим» схемам, повторению уже пройденных «азов» о значении философского теоретизирования для проблем, относящихся к различным сферам социальной жизнедеятельности.

Вероятно, критики «философизирования» правы в том, что изучение организации характеризуется накопленным методологическим потенциалом, доказательностью положений структурно-функционального и неинституционального анализа, включением теоретических инноваций неинституционализма. Само обоснование социальной философии определяется, вероятно, тем, что в жизни современных организаций важное место занимает проектирование, традиции и стандарты организационной деятельности становятся текучими, характеризуются влиянием неформальных норм, отражением ситуации непреднамеренности и неопределенности.

Таким образом, социально-философские основания исследования функциональных организаций актуализируют проблему методологического статуса социальной философии, и, если доказательность положений и принципов, выдвигаемых социальной философией, как правило, объясняется тем, что в условиях кризиса социологической мысли описания и объяснения общества не увенчались успехом [3], то по существу социальная философия может также попасть под подоз-

рение в спекулятивности, не представляющей сильных познавательных аргументов в исследовании функциональных организаций. Лозунг «возвращение людей в теорию» актуален для исследователя, но нуждается в теоретической проработке, в том, что функциональные организации являются «общностями людей, действующих в определенных целях и на основе определенных организационных алгоритмов». Российский исследователь И. А. Дискин писал, что требуется изучение механизмов формирования институциональных отношений, влияющих на функциональные организации не только на уровне макросоциальных процессов, но и во внутриорганизационных отношениях, которые являются самовоспроизводящейся системой, то есть включают инвестиционную и сберегательную активность, направленную на повышение статуса функциональных организаций [4]. Соответственно, для исследователя важным является определение реального характера функционирования организации.

Таким образом, в социально-философской рефлексии возникает проблема формирования логики изменений функциональной организации по параметрам социальной активности, и в этом смысле нельзя ограничиться ссылкой на необходимость обоснования субъектного фактора, ориентации на социальную самореализацию. Нельзя игнорировать тривиальное положение, согласно которому организация работает не на конкретного индивида, а на определенную цель, и в этом смысле коллектив, каким бы значимым ни было его влияние, не может «упразднить» организацию как структуру норм и связей.

В какой-то степени заходит речь о мотивах и стимулах персонала, о влиянии организационной структуры, но даже с такой позиции социально-философская рефлексия требует собственного определения функциональной организации как общности интересно-субъектного типа, в которой, казалось бы, безличностные нормы и цель содержат свойство взаимозависимости, взаимопроницаемости субъектов организационного действия, востребованность взаимного доверия и осознание взаимной ответственности.

В таком контексте приведенные выше слова И. А. Дискина обретают адекватный

смысл. Не существует неразрешимого противоречия между теоретическим обоснованием человеческого (субъектного) фактора в деятельности функциональных организаций, направленных на повышение социальной эффективности. Можно предположить, что функциональная организация является «репертуаром» различных социальных ситуаций, что означает координацию действий внутри функциональной организации по договорной модели, имеющей предпочтение перед хрестоматийными «власть и деньги».

Таким образом, действуют интеракции, делающие возможными не только предписанные нормы, но и аргументированно достигаемый консенсус [5]. Для исследования функциональных организаций значимыми становятся критерии рефлексивной активности и способности «договариваться» в рамках реализации предписанных действий. Обращаясь к мысли о том, что в настоящих условиях важным становится управление не вещами, а людьми и конкретизацией положения («управление не вещами, а людьми») [6], исследователь обязан использовать методологические средства, позволяющие ему продвинуться «от видимости к действительности», то есть понять функционирование организации в соответствии с параметрами, характеризующими ее социальную миссию.

Непосредственная деобъективация организации сочетается с привнесением в ее жизнь конкретных установок о целях и способах реализации целей организации. В современном обществе, где наблюдается скептицизм относительно эффективности управления через организацию и одновременно исчезает понятие принудительного выбора, социально-философская рефлексия утверждает возможности рационализации и гуманизации социальной жизни, снижение рисков неопределенности на основе включения функциональной организации как определенного набора возможностей для выбора общества.

Результаты исследования. Для теоретической интерпретации проблем исследований оснований функциональной организации, вероятно, важной является категоризация функциональной организации в социально-философском дискурсе с достаточно концептуальной ясностью. Когда речь захо-

дит о возможностях междисциплинарного подхода, в данном контексте это содержит слабую категоризацию, поскольку философская рефлексия является эпистимологическим инструментом, который лишь недавно вышел «из тени» традиционного философствования и столкнулся с тем, что сфера социального познания монополизирована социологией и социальной психологией.

В этом смысле прикладные исследования обретают важную роль, поскольку социальная философия может восприниматься как абстрактная наука, имеющая рецидивы метафизики. Но дело не только в этом. Если придерживаться логики исследования, эмпирический уровень фиксирует необходимость концептуального осмысления, теоретической проработки и эмпирических оценок, а также содержит не просто социальную информацию, а является пространством разрешения и оценок о траектории развития функциональной организации.

Увлекаясь разговорами о формировании нового типа организации, можно оказаться «узким» специалистом, не обращающим внимание на реальную организационную динамику. Функциональные организации в настоящий период, обладая такими стабильными организационными параметрами, как иерархия уровней взаимодействия, формирование веера целей, позиций акторов организации, механизмы организационного взаимодействия, внутриорганизационные отношения, вместе с тем являются сферой формирования социальной активности, действий акторов организации не только по предписанным нормам, но и в рамках социальной и профессиональной самореализации.

Это особенно важно в связи с двумя моментами. Во-первых, в российском обществе формируется запрос на социальную самореализацию (57% россиян полагают, что главное — инициатива, предприимчивость, поиск нового) [7]. Можно говорить о том, для функциональной организации, которая традиционно воспринимается как пространство исполнительной дисциплины, соблюдения норм должностной иерархии, структурированных внутриорганизационных отношений, характерным становится ответ на изменившиеся интересы будущих или реальных акторов управленческого процесса. Как отмечал

И. А. Дискин, в российской институциональной системе активность и рациональность при сегментивной этике, характеризующей модель профессиональной этики, создают крайне сложные и противоречивые предпосылки для эволюции институциональной системы [4].

Это положение затрагивает важные аспекты развития функциональной организации. Действительно, функциональные организации работают в условиях неопределенности, смены организационных парадигм, противоречий между заимствованными организационными образцами и «бюрократической традицией», свойственной российским организациям, особенно работающим в бюджетной сфере. Также следует говорить о том, что рано или поздно функциональные организации испытывают проблему кадрового пополнения, и, учитывая тот факт, что новое поколение россиян, вступающих в жизнь, показывает потерю интереса к традиционным управленческим качествам (дисциплина, лояльность к руководству организации, осознание пределов профессионального и должностного роста), есть необходимость осмыслить подвижки и тенденции, изменяющие облик функциональной организации. Изменения могут происходить в двух направлениях: вынужденные (привносимые сверху) или внутренние (связанные с изменением организационной мозаики, с формированием новых внутриорганизационных механизмов). Главное — есть основание считать, что поскольку ориентации на нормы закона и должностные инструкции не всегда работают успешно, необходимо внесение в деятельность акторов организации элементов инициативы, самостоятельности принятия решения, что, конечно, связано с уровнем профессиональной компетенции, с должностным статусом, с осознанием рисков принимаемых самостоятельных решений. Данные подвижки требуют поиска «шагов», определяющих баланс между «спонтанными» изменениями снизу и сохранением эффективности функциональной организации, которая до сих пор является, несмотря на организационное нововведение, основной «клеточкой» организационной структуры российского общества.

Российские исследователи, работающие над изучением актуальных проблем управ-

ления в регионах, отмечают, что переход на стратегию инновационной индустриализации, провозглашенный в 2010–2012 годах, зафиксировал в качестве тревожного момента тот факт, что до сих пор неясно, остается ли экспликация явных и латентных функций структур социальных организаций, вовлекаемых в реализацию инновационной политики [8]. Если оценивать аналитику данного суждения, то становится очевидным, что для ученых функции и структура социальных организаций требуют описания возможностей и ограничений, связанных с «функционалом» как моделью организационного развития. Действительно, и для инновационной индустриализации важным становится интегрированность макро-, мезо- и микроорганизационных уровней, что является сферой размышления социальной философии и в методологическом аспекте, и в определении пространства социального действия акторов функциональной организации как индивидуальностей, претендующих на статус социальной субъектности, то есть на автономию и профессионализм в контексте профессиональной самореализации.

Это важный исследовательский момент, связанный с тем, что функциональная организация делает акцент на безличностные структуры. В этом контексте есть противоречие с запросом общества на выполнение функциональными организациями задач, определяющих социальную стабильность и удовлетворенность россиян условиями жизни. Учитывая, что в России реакция на риски и вызовы продуцирует организационную активность, создание новых структур и субструктур, нельзя без малейшего намека на иронию не задуматься о траектории развития функциональной организации, которая, если не включить фактор социальной субъектности, неизбежно вращается в цикле «бюрократизации». Подтверждением тому является рецидив российского общества, когда борьба с бюрократией порождает в результате рост новых бюрократических структур.

Для современной социальной эпистемологии весьма значим опыт феноменологического понимания осознания перемен и осознания традиций в организационном развитии [9]. В переносном и буквальном смысле речь идет о том, что установки акторов функ-

циональной организации могут привести или заблокировать уровень и объем организационных изменений, определяемых формально вышестоящими инстанциями. Как пример — можно говорить о том, что в российском региональном пространстве, несмотря на тенденцию централизации, в 2000-е годы проявляется определенный организационный «анархизм», несинхронность управленческих действий, связанных с реализацией предложенных федеральным центром стратегий. В частности, стратегия обеспечения устойчивого развития регионов реализуется в неодинаковой степени в контексте разнонаправленных тенденций управления, определяемых интересами региональных структур. Для регионов-доноров важным является сохранение и рост финансовых организационных ресурсов. Для регионов-адресатов, особенно в нынешних условиях бюджетного кризиса на региональном уровне, мотивацией акторов управления становится сберегательная активность, что в социально-философском контексте означает рационализацию управленческой деятельности путем ограничения «расточительных» инициатив.

Разработка всех названных проблем позволяет социальным философам изучить теоретико-методологические основы новых форм функциональной организации, а также выявить те точки напряжения (реальные и потенциальные), которые препятствуют нормальному функционированию российских организаций. Отметим, что для социально-философской рефлексии важной является нормальная коммуникация с практиками социального управления, и в данном отношении следует говорить об экспертном статусе социальной философии, о ее роли в качестве эдвайсенга. Естественно, управленцы научились защищать свою зону влияния от потенциальных вторжений из знаний «второго» порядка. Для них социальная философия, если судить по воспоминаниям из вуза, является избыточным социально-гуманитарным знанием, учитывая тот факт, что «язык» функциональной организации не пересекается в нужном объеме с ареалом социально-философского языка.

Сказанное свидетельствует о том, что существует необходимость повышения культуры мероосмысления, мероизмерения

и мерообладания во всех сферах реализации личности, а главное — обновляющей и образующей силы функциональных организаций [10]. Хотя данное положение написано на социологическую проблематику, в нем содержится социально-философский смысл, определяемый тем, что концептуально социальная философия является востребованной в обществе и в системе управления как методология формирования механизмов самореализации, самоконтроля личности на функциональные организации, где, как ни парадоксально звучит, основной проблемой является дефицит не управленческой свободы, а самоконтроля, ответственности за принимаемые решения, предвидение преднамеренных и непреднамеренных рисков, готовность действовать сообща для решения неординарных ситуаций. Речь идет о внутренних регуляторах деятельности актора функциональной организации, который не снимает свою ответственность, используя приоритет формальных норм деятельности.

Заключение. Рассматривая социально-философские основы исследования функциональных организаций в российском обществе, мы приходим к выводам о том, что, во-первых, функциональная организация в современных условиях нуждается в социально-философской рефлексии, поскольку социологическая традиция изучения, имея определенные позитивные результаты по структурным и функциональным параметрам, не отражает субъектный аспект функциональных организаций в российском обществе, несмотря на синдром бюрократизированности, становится пространством социальной самореализации и инициативы личности. Этому способствует и тот факт, что новые поколения, представляющие кадровый потенциал функциональных организаций, нацелены на ценности постиндустриальной экономики, для них важным становится нахождение той формы внутриорганизационных отношений, которая способствовала бы выявлению личностных качеств, построению должностной и профессиональной карьеры не только по формальным критериям (исполнительская дисциплина, лояльность к руководству, готовность к выполнению принятых решений). Важным моментом, во-вторых, яв-

ляется тренд функциональных организаций к конвенциональности формальных и неформальных норм, которые связаны с тем, что в социально-философской рефлексии нуждаются в осмыслении процесса деобъективации функциональных организаций, того, что можно определить как роль содержания и форм социальной деятельности, возможности и невозможности перевода безличных норм мотивированного действия, выражающего меру свободы личности, в функциональные организации.

Третьим выводом можно считать приближение организационных структур к участникам функциональной деятельности, что в российском обществе проявляется противоречивым. С одной стороны, на основе социально-философской рефлексии можно говорить о гуманизации структурных влияний и об ориентированности на удовлетворение потребностей в профессиональной деятельности. С другой — воспроизводится схема субдоминантности, установление границ изменяемости внутриорганизационных отношений в зависимости от организационной иерархии.

Литература

1. Современная социология организаций / А.Н. Пригожин. — М.: Фирма «Интерпракс», 1995. — 295 с.
2. Новый социально-философский словарь: 100 слов / Общ. ред. В.Е. Кемерова. — Екатеринбург: Урал. литератор, 1993. — 60 с.
3. Современный философский словарь / Азаренко С.А. и др. / Под общ. ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. // 4-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. — 822 с.
4. *Дискин И.А.* Россия, которая возможна. — М.: Юрист, 2011. — 175 с.
5. *Фурс В.* Коммуникативно-теоретическая манификация философской рациональности в концепции Ю. Хаббермаса // Философия эпохи постмодерна. — Минск: Красико-Принт, 1996. — С. 30–41.
6. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — 640 с.
7. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков и др. /

Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. — М.: Весь Мир, 2016 г. — 400 с.

8. *Тихонов А.В., Мерзляков А.А., Богданов В.С.* Новые социальные технологии управления региональным развитием: по материалам интерактивного исследования // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / Отв. ред. В.В. Маркин. — М.: Новый Хронограф, 2015. — С. 125–163.

9. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. — 712 с.

10. Новые идеи в социологии: монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — 479 с.

References

1. *Sovremennaja sociologija organizacij* [Modern sociology of organizations] / A.N. Prigozhin. — Moscow: Firma «Interpraks», 1995. — 295 p.
2. *Novyj social'no-filosofskij slovar': 100 slov* [New socio-philosophical dictionary: 100 words] / In V.E. Kemerova (eds.). — Ekaterinburg: Ural. literator, 1993. — 60 p.
3. *Sovremennyj filosofskij slovar'* [Modern philosophical dictionary] / Azarenko S.A. et al. / In V.E. Kemerov, T.H. Kerimov (eds.). // 4-e izd., ispr. i dop. — Moscow: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2015. — 822 p.
4. *Diskin I.A.* Rossiya, kotoraja vozmozhna [Russia, which is possible]. — Moscow: Jurist, 2011. — 175 p.
5. *Furs V.* Kommunikativno-teoreticheskaja manifikacija filosofskoj racional'nosti v koncepcii Ju. Habbermasa [Communicative-theoretical manifestation of philosophical rationality in the concept of Yu. Habbermas] // *Filosofija jepohi postmoderna* [Philosophy of the post-modern era]. — Minsk: Krasiko-Print, 1996. — Pp. 30–41.
6. *Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija* [The new post-industrial wave in the West. Anthology] / In V.L. Inozemcev (eds.). — Moscow: Academia, 1999. — 640 p.
7. *Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaja* [Russian Society and the Challenges of the time. The fourth book] / M.К. Gor-

shkov et al. / In M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov (eds.). — Moscow: Ves' Mir, 2016 g. — 400 p.

8. *Tihonov A. V., Merzljakov A. A., Bogdanov V. S.* Novye social'nye tehnologii upravlenija regional'nym razvitiem: po materialam interaktivnogo issledovanija [New social technologies of regional development management: based on the materials of interactive research] // Regional'naja sociologija: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii [Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Rus-

sia] / In V. V. Markin (eds.). — Moscow: Novyj Hronograf, 2015. — Pp. 125–163.

9. Social'naja jepistemologija: idei, metody, progrtmy [Social epistemology: ideas, methods, programs] / In I. T. Kasavin (eds.). — Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2010. — 712 p.

10. Novye idei v sociologii: monografija [New ideas in sociology: a monograph] / In Zh. T. Toshhenko (eds.). — Moscow: JuNITI-DANA, 2013. — 479 p.

Поступила в редакцию

28 марта 2021 г.

Плотникова Татьяна Валерьевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области социальной и политической философии, проблем трансформации социального поведения, поведенческих парадигм и моделей политической практики. Сфера научных интересов включает исследование социокультурных факторов национальной и цивилизационной идентичности, проблемы развития креативности в социуме, методологические аспекты когнитивной деятельности, философские аспекты развития научно-технической сферы общества в условиях глобализации. Стаж научной работы — 31 год.

Plotnikova Tatyana Valeryevna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in social and political philosophy, problems of transformation of social behavior, behavioral paradigms and models of political practice. Research interests include the study of socio-cultural factors of national and civilizational identity, problems of creativity development in society, methodological aspects of cognitive activity, and philosophical aspects of the development of the scientific and technical sphere of society in the context of globalization. Research experience is 31 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tatyana0918@mail.ru

Кравцова Анастасия Михайловна — преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России. Сфера научных интересов: концептосфера русского языка, юрислингвистика. Стаж научной работы — 3 года.

Kravtsova Anastasiya Mikhailovna — Lecturer, Department of Foreign Languages, Rostov Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia. The sphere of scientific interests: the conceptosphere of the Russian language, legilinguistics. Scientific work experience 15 years.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83
83 Eremenko st., 344015, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: punjal@yandex.ru

Попкова Елена Геннадьевна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник центра прикладных исследований кафедры Экономической политики и государственно-частного партнёрства МГИМО МИД РФ, президент АНО «Институт научных коммуникаций» (Москва, Волгоград, Россия). Является руководителем научно-исследовательских проектов, приглашенным редактором в авторитетных международных изданиях, автором более 300 научных публикаций, организатором и активным участником ведущих международных форумов и конференций. Имеет региональные награды в сфере науки и технологии.

Popkova Elena Gennadievna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher at the Center for Applied Research of the Department of Economic Policy and Public-Private Partnership of the MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, President of the ANO «Institute of Scientific Communications» (Moscow, Volgograd, Russia). She is the head of research projects, guest editor in reputable international publications, author of more than 300 scientific publications, organizer and active participant of leading international forums and conferences. She has received regional awards in the field of science and technology.

400066, г. Волгоград, ул. М. Чуйкова, 9, оф. 3
9 M. Chuikova st., of. 3, 400066, Volgograd, Russia
E-mail: info@archilab.online